

УДК 902.2

**К ВОПРОСУ О БРОНЗОВЫХ СЛИТКАХ ИМЕНЬКОВСКОЙ
КУЛЬТУРЫ: ПРОБЛЕМА РАСПРОСТРАНЕНИЯ И НАЗНАЧЕНИЯ
(ПО МАТЕРИАЛАМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ)**

А. Б. Пичугин

*Казанский национальный исследовательский технологический университет
г. Казань (Россия)*

Аннотация

В статье рассматривается одна из важных проблем в изучении именьковской археологической культуры – распространение и назначение бронзовых слитков, изготавливавшихся именьковскими мастерами-литейщиками в IV-VII вв. Выделяется особая ценность бронзовых слитков для населения, служивших им торговой единицей и денежным эквивалентом. Более углубленное изучение проблем, связанных с происхождением и распространением бронзовых слитков в регионах Поволжья в раннем средневековье может пролить свет на решение вопросов, связанных с миграционными процессами именьковских племен, а так же с их межкультурными и торговыми взаимодействиями.

Ключевые слова: бронзовые слитки, именьковская культура, раннее средневековье, археологический материал, весовая система.

**TO THE QUESTION OF THE IMENKOVO CULTURE BRONZE INGOTS:
THE PROBLEM OF DISTRIBUTION AND ASSIGNMENT
(ON THE MATERIALS OF THE ARCHAEOLOGICAL SOURCES)**

A. B. Pichugin

*Kazan national research technological university
Kazan (Russia)*

Annotation

The paper focuses on one of the important problems in studying of Imenkovo archaeological culture that is the distribution and the assignment of the bronze ingots made by the Imenkovo master - founders in the IV-VII centuries. The special value of the bronze ingots

for the Imenkovo population, serving them as a trade unit and a monetary equivalent, is allocated. The more profound studying of the problems connected with the origin and the distribution of the bronze ingots in the Volga regions in the early Middle Ages can shed light on the solution of the questions connected with the migratory processes of the Imenkovo tribes, and also with their cross-cultural and trade interactions.

Keywords: bronze ingots, Imenkovo culture, the early Middle Ages, archaeological material, weighing system.

Раннее средневековье на всем его протяжении можно охарактеризовать как эпоху глобальных перемен в европейской истории. Континентальные климатические изменения меняют географический ландшафт, а вслед за ним меняется и геополитическая карта мира. Вследствие этих изменений, Поволжье становится неким эпицентром миграционных процессов. Разнообразие этносов, проживающих в регионе в этот период, предопределяет важность великого водного пути в торговле для трех этнических массивов – финно-угорского, тюркского и славянского. В присутствовавшем на Поволжье славянском компоненте особо выделяются племена именьковской культуры. Следы этой культуры были замечены во второй половине XIX в. казанскими исследователями и историками С.М. Шпилевским [14], А.А. Спициным, П.А. Пономоревым, В.Н. Поливановым [10]. В.В. Гольмстен объединяла именьковские культуры в древнемордовскую группу с датировкой IX-X вв., и связывала этот этнос с буртасами. Но лишь в 1946 г. были предприняты попытки объединить именьковские памятники в особую археологическую группу. В дальнейшем, пути решения проблемы идентификации праславянских племен в Поволжье предпринял известный булгаровед, археолог А.П. Смирнов, который отнес эти памятники к городецкой культуре на поздней её стадии [13, с.16]. Позже, выдающийся советский археолог В.Ф. Генинг предпринял попытку научного переосмысления результатов археологических изысканий, заострив внимание на анализе обнаруженных материалов, накопленных за последние 50 лет. Таким образом, эта культура была окончательно выделена Генингом в именьковскую, названную так по городищу у с. Именьково Лаишевского района республики Татарстан [3, с.201]. На протяжении столетнего изучения именьковских памятников сформировалась значительная источниковая база. Интерес к проблеме именьковских находок в среде средневожских археологов был подхвачен исследователями ряда столичных научных центров. И все же, дискуссия в научных кругах об основных проблемах изучения именьковской культуры в настоящее время не завершена и порой переходит в острую полемику [4]. В нашем случае, именьковская

культура интересна, прежде всего, как культура, повлиявшая на формирование болгарского этноса.

Изучение именьковских древностей подразумевает целый комплекс исследовательских кластеров. Такими кластерами являются чернометаллургическое производство, животноводство, земледелие и цветная металлургия. Вопросы земледелия и животноводства именьковцев, считают наиболее исследованными областями. Общепризнано, что именьковцы были развитыми земледельцами и животноводами. Их навыки в дальнейшем перенялись многочисленными пришлыми протоболгарскими племенами Поволжья, внося тем самым определенные профессиональные навыки в их ремесленные и земледельческие отрасли [11, с. 76]. Проблема цветной металлургии в именьковской культуре до недавнего времени оставалась несправедливо забыта. Этот пробел был восполнен научной работой Л.А. Вязова [1]. В ней он подробно систематизировал археологический материал, собранный за последние тридцать лет, и произвел в лабораторных условиях металлографический анализ именьковских изделий из цветного металла. Изучение состава описанных латунных и медных изделий видится очень важным для науки, т.к. с получением анализа составов цветного металла с разных групп памятников представляется возможным восстановить картину географического распространения технологических приемов в раннесредневековом освоении медных сплавов в регионе и обозначить некоторые закономерности в их химическом составе.

И всё же именьковская культура скудна на находки из цветного металла. Большая часть обнаруженного приходится на керамику и орудия труда из железа. Это может говорить об аграрном характере данного населения [5, с. 216]. Аграрный характер развития именьковских племен подразумевает под собой некоторый прибавочный продукт (например, рожь), который, вероятно, использовался населением в качестве товарообмена.

Очень интересной категорией находок, которые так же показывают торговый характер определенной части именьковского населения, являются стержневидные латунные слитки. Такие находки представлены несколькими типами комплексов. К первым типам, где встречаются такие слитки можно отнести погребальные комплексы [2, с. 88]. Стержневидные слитки встречаются как в мужских, так и в женских захоронениях [9, с. 130]. Период бытования таких слитков уверенно датируется V в.н.э, что характеризует этот период, как время активных внешнеторговых связей именьковских племен с племенами других культур, в частности с мазунинской [8, с. 96].

Ко второму типу комплексов относят клады. Так, при разведочных работах в зоне Куйбышевского водохранилища, на разрушающейся площадке

Щербетского селища, археологом П.Н. Старостиным был найден клад кузнеца-литейщика, который состоял из 73 экземпляров бронзовых слитков одинаковой стержневидной формы и треугольных в сечении [12, с. 335]. Этот клад не единичен в своем роде - следы распространения этих предметов были зафиксированы вкладах других именьковских поселений не только в Поволжье, но и в Приуралье. Слитки в некоторых случаях находят в комплексах с монетами. Такие комплексы хорошо датируются монетным материалом.

Мнения исследователей о происхождении бронзовых слитков и их назначении значительно разнятся. Так, известный казанский ученый А.Г. Мухамадиев выдвинул свою теорию о применении этих предметов. Его теория говорит об их денежном назначении. Такие выводы ученый делает после исследования большинства найденных слитков, которые имеют определенный вес и косвенно повторяют сасанидскую весовую систему. Таким образом, бронзовые слитки, средний вес которых составляет 106 гр., по мнению ученого, имеют прямую связь с восточной мерой веса - весовой драхмой и «служили металлическими деньгами» [7, с. 72]. Эта теория имеет некоторые противоречия. Химический состав слитков из Щербетского клада говорит об их импортном происхождении (присутствие в составе слитков с 30% содержанием цинка говорит об их не местном происхождении). Следовательно, «сасанидская весовая система» здесь совсем не причем, а местный ареал их производства, смешивается с импортным сырьем и расширяется далеко за пределы Среднего Поволжья. Цинк как легирующая добавка, возможно, была привезена из отдаленных районов и использовалась в изготовлении слитков вкупе с медными рудами, залежи которых находятся в Прикамье и на Среднем Урале [6, с. 259].

Помимо теории Мухамадиева, высказываются мнения о производственно-металлургическом назначении обнаруженных драгоценных изделий. Например, такой позиции придерживается самарский археолог Л.А. Вязов [1, с. 138]. Слитки, по его мнению, использовались в качестве готового продукта-заготовки и участвовали в торговом обмене. Эта теория подкрепляется еще тем, что больший процент бронзовых слитков был найден на поселениях и на территории некрополей. В погребениях они встречаются вместе с ремесленным и литейным инвентарем. Даже Щербетский клад был найден на территории меднолитейной мастерской, что может говорить о производственном, а не денежном характере этих предметов. Хотя, конечно, возникает ряд вопросов, которые еще предстоит изучить, – например, почему именьковские литейщики использовали в большинстве случаев при литье форму стержня с треугольным и прямоугольным сечением, очень похожими, если не сказать аналогичными формам новгородских гривен? Почему именно такая, а никакая другая форма

стержней оказалась принятой? На заданные вопросы еще предстоит ответить ученым и исследователям. Поэтому можно констатировать, что проблема распространения и назначения обнаруженных стержней до сих пор не разрешена.

В настоящее время на территории Среднего Поволжья обнаружено около 700 памятников именьковской культуры. Лишь 140 из них были подвергнуты археологическим исследованиям [1, с. 40]. Возможно, что небольшое количество исследованных памятников данного круга, является главным препятствием на пути к полноценному и обобщенному анализу этой группы археологического материала. В результате, очерченная проблема требует более тщательного научного исследования, основанного на привлечении новых технологических инструментов и методов.

Проблема возникновения распространения бронзовых слитков на территории Восточной Европы до сих пор остается дискуссионной. За последние три десятилетия был накоплен материал, который в силу своей фрагментарности и малоизученности пока не может заполнить возникшие в связи с этим лакуны. Дальнейшие более масштабные исследования археологических памятников раннего средневековья в Поволжье могут выявить недостающие звенья в решении проблемы, а также существенно повлиять на господствующие в науке выводы по именьковским проблемам.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вязов Л.А.*, Социально экономическое развитие населения Среднего Поволжья в середине I тыс.н.э. по материалам именьковской культуры: дисс. к.и.н., Самара. 2011. 260 с.
2. *Генинг В.Ф.* Тураевский могильник V в. н.э.// Из археологии Волго-Камья. Казань 1976. С. 55-109.
3. *Генинг В.Ф.* Очерки этнических культур Прикамья в эпоху железа.//Труды КФАН СССР. Серия гуманитарных наук. Вып. 2. Казань: КФ АН СССР., 1959. С. 157-219.
4. *Жих М.* «Именьковская проблема»: Продолжение дискуссии. (ответ Н.А. Лифанову) // Конфликтотенный потенциал национальных историй. Казань: Юниверсум, 2015. С. 213-225.
5. *Кляшторный С.Г., Старостин П.Н.* Праславянские племена в Поволжье // История татар с древнейших времен. Казань: Рухият, 2002. Т. 1. 551 с.

6. *Мухамадиев А.Г.* Древние монеты Поволжья. Казань: Татарское книжное изд-во, 1990. 158 с.
7. *Кузьмины С.В., Семькин Ю.А.* Цветная металлообработка // История татар с древнейших времен. Казань: РухИЛ, 2006. Т. 2. 959 с.
8. *Останина Т.И.* Кузеебаевское городище IV-V, VII в. Ижевск: Изд. дом «Удмуртский ун-т», 2002. 112 с.
9. *Останина Т.И.* Население Среднего Прикамья в III – V вв. Ижевск: Удмурт. ин-т истории, яз. и лит. УрО РАН, 1997. 327 с.
10. *Поливанов В.Н.* Археологическая карта Симбирской губернии. Симбирск: Типо-литогр. А.Т. Токарева, 1900. 71 с.
11. *Семькин Ю.А.* Металлургия железа и кузнечное производство населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху раннего средневековья // Самарский край в истории России. Самара, 2007. Вып. 3. С. 76-83.
12. *Сидоров В.Н., Старостин П.Н.* Остатки раннесредневековых литейных мастерских Щербетского поселения. // Советская Археология. 1970 № 4 С. 233-237.
13. *Смирнов А.П.* Волжские булгары. М.: Государственный исторический музей, 1951. Вып. 19. 227 с.
14. *Шпилевский С.М.* Древние города и другие болгарско-татарские памятники в Казанской губернии. Казань: Университетская типография, 1877. 620 с.

LITERATURE

1. Vyazov L.A., Social'no ehkonomicheskoe razvitie naseleniya Srednego Povolzh'ya v seredine I tys.n.eh. po materialam imen'kovskoj kul'tury: diss. k.i.n., Samara. 2011. 260 s.
2. Gening V.F. Turaevskij mogil'nik V v. n.eh.// Iz arheologii Volgo-Kam'ya. Kazan' 1976. S. 55-109.
3. Gening V.F. Ocherki ehntnicheskikh kul'tur Prikam'ya v ehpohe zheleza.//Trudy KFAN SSSR. Seriya gumanitarnyh nauk. Vyp. 2. Kazan': KF AN SSSR., 1959. S. 157-219.
4. ZHih M. «Imen'kovskaya problema»: Prodolzhenie diskussii. (otvet N.A. Lifanovu) // Konfliktogennyj potencial nacional'nyh istorij. Kazan': YUniversum, 2015. S. 213-225.
5. Klyashtornyj S.G., Starostin P.N. Praslavyanskije plemena v Povolzh'e // Istoriya tatar s drevnejshih времен. Kazan': Ruhiyat, 2002. Т. 1. 551 с.

6. Muhamadiev A.G. Drevnie monety Povolzh'ya. Kazan': Tatarskoe knizhnoe izd-vo, 1990. 158 s.
7. Kuz'miny S.V, Semykin YU.A. Cvetnaya metalloobrabotka // Istoriya tatar s drevnejshih vremen. Kazan': RuhIL, 2006. T. 2. 959 s.
8. Ostanina T.I. Kuzebaevskoe gorodishche IV-V, VII v. Izhevsk: Izd. dom «Udmurtskij un-t», 2002. 112 s.
9. Ostanina T.I. Naselenie Srednego Prikam'ya v III – V vv. Izhevsk: Udmurt. in-t istorii, yaz. i lit. UrO RAN, 1997. 327 s.
10. Polivanov V.N. Arheologicheskaya karta Simbirskoj gubernii. Simbirsk: Tipo-litogr. A.T. Tokareva, 1900. 71 s.
11. Semykin YU.A. Metallurgiya zheleza i kuznechnoe proizvodstvo naseleniya Srednego Povolzh'ya i Nizhnego Prikam'ya v ehphu rannego srednevekov'ya // Samarskij kraj v istorii Rossii. Samara, 2007. Vyp. 3. S. 76-83.
12. Sidorov V.N. Starostin P.N. Ostatki rannesrednevekovyh litejnyh masterskih SHCHerbetskogo poceleniya. // Sovetskaya Arheologiya. 1970 № 4 S. 233-237.
13. Smirnov A.P. Volzhskie bulgary. M.: Gosudarstvennyj istoricheskij muzej, 1951. Vyp. 19. 227 s.
14. SHpilevskij S.M. Drevnie goroda i drugie bulgarsko-tatarskie pamyatniki v Kazanskoj gubernii. Kazan': Universitetskaya tipografiya, 1877. 620 s.